

18+

Корпус "А"

Резник Ваня

И. В. Резник

Корпус А

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62158603

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-03655-0

Аннотация

Добро пожаловать в НордРосс – идеальный гигаполис будущего, свободный от насилия мир осознанного со-соседства. Мясо живых существ больше не употребляется в пищу, опыты и тесты проводятся на синтетических андроидах, а автопилоты полностью ликвидировали аварии на небе, море и земле. Чтобы счастливо жить в этом мире достаточно принимать нейротрансмиттеры и не нарушать репродуктивную свободу других людей. Но что происходит с теми, кто живет не по правилам? И зачем «идеальному обществу» принудительная евгеника и карательная хирургия?

Содержание

I	5
II	49
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Памяти Ким Исабель Фредерики Валль.

Стоит ему увидеть ее, как он тут же обнажается и обрушивается на нее, как ненастье с неба, прежде чем она успевает укрыться в безопасном месте.

Эльфрида Елинек, «Похоть».

I

Говорят, мы вступаем в «Корпус А» из-за денег и всех этих привилегий. Наверное, так оно и есть, с этим сложно спорить. Да и зачем. Никто не обязан ничего объяснять. Но я по-настоящему понимаю необходимость моей работы. Мне нравится знать, что она приносит обществу пользу. Большинство из нас любит свое дело, честное слово. Здесь по-другому просто не получается. Кто не верит, как говорится, пусть проверит.

Мама улыбается мне каждый раз, когда я собираюсь на задание или домой с фотографии на двери шкафчика. Лежа на родильном столе, она держит меня на груди, прижимая обеими руками, счастливая, уставшая, с синяками вокруг глаз, спутанными волосами и пятнами на рубашке: крови и чего-то еще. Рвоты? Если мне не изменяет память, ее, в самом деле, вырвало пару раз в середине схваток. Иногда мне кажется, что я помню этот день даже лучше, чем она. По крайней мере, ничуть не хуже: сотни маминых рассказов не прошли даром. Особенно про первый душ после родов. «Когда все уже кончилось лежишь на родильном столе часа два, пьешь воду, ждешь, когда организм отдохнет и уменьшится кровотечение. Потом лежишь в палате. Еще часов через шесть находишь в себе силы сходить в душ. Вода здорово помогает прийти в себя, особенно если не смотреть вниз.

Внизу столько крови, словно моешься красной краской, стоишь и ждешь, ждешь, когда же она смоется с ягодиц и нижней части спины, а она все никак не кончается, пока наконец не поймешь, что она все еще *идет изнутри*.»

Мама говорит, что до катастрофы никто не ценил этот не простой труд – вынашивать, рожать и воспитывать детей. Женщины и дети часто жили настолько плохо, что даже в самых продвинутых странах существовали кабинеты, комитеты и целые министерства по правам женщин и детей. Наоборот, почетным и значимым считалось детей убивать. Чужих, чтобы своим достался лучший мир, как будто мир, построенный на костях, в самом деле, мог быть лучшим. Своих, чтобы жвала патриотизма никогда не оставались без работы, как будто где-то на земле и действительно существовала какая-то *правда*, которая стоила дороже, чем человеческая жизнь. Ценность жизни сходила на нет, как только детям исполнялось восемнадцать; а двуличие было основой противоречивой «логики» мира прошлого.

В своем шкафчике кроме формы, аптечек и рюкзака я храню книги: я из тех людей, кто все еще предпочитает бумажные книги экранной версии. По правде сказать, настоящей бумаги мне пока не доводилось держать в руках, говорят она совсем другая на ощупь и пахнет как-то особенно. Не думаю, что это так уж важно, книга в виде прямоугольника с большим количеством тонких синтетических страниц в любом случае мне милей, чем мерцающий текст на экра-

не. Рано или поздно я куплю себе хотя бы одну ретро-книжку, несмотря на дороговизну. Мама говорит, что старые бумаженные книги – это рассадник инфекций и идеальный пылесборник, который нельзя сдать в чистку, но я знаю, что ей тоже было бы интересно подержать такую в руках.

Я улыбаюсь маме в ответ и достаю вешалку с одеждой. Мне нравится моя форма, нравится, как пахнут кожей тяжелые коричневые ботинки и ремень на штанах, нравится почти невесомый сверхпрочный бронежилет. Я нажимаю кнопку браслета, и жилет аккуратно стягивает тело жестким коконом. Теперь рубашка, брюки, ботинки и рюкзак.

Когда-то давно мы ходили всем классом в Музей Истории Цивилизаций Земли. Раньше броня вместе с оружием могла весить больше 20 килограмм! Даже думать страшно, как это было обременительно, неудобно и тяжело. Неэффективно. Хотя броня, это еще не самый странный экспонат. Прошлое человечества полным-полно дичайшей жестокости, слабонервным людям лучше вообще не знать истории, и уж тем более не ходить по таким музеям. Нам в «Корпусе А» известно чуть больше, чем простым смертным, и это знание обходится очень дорого. Каждый месяц мы посещаем очередную лекцию «мотивации к работе», и после каждой такой лекции мы еще больше любим свой каждодневный труд. Или покидаем государственную службу навсегда. Тут, как повезет и какие у кого нервы. Современные люди живут в мире свободном от насилия, жестокости, тюрем и войн. Если не счи-

тать нашу работу, конечно.

Я пристегиваю на пояс наручники, нейробой, баллон хр-пача, дубинку и нож. На всякий случай я надеваю на указательный палец парализатор. Так далеко заходит редко. Не помню ни одного случая, когда он мне пригодился, но мы должны его носить по уставу, а я не из тех, кто нарушает устав. Я проверяю рюкзак: латексные перчатки, стерильная аптечка №2, вода, ультразвуковые очки, сигнальная ракета, микрорадар и тестер. Тестер нужно надеть на левую руку. Последним я беру из шкафчика зажим для плавания.

Сегодня спокойная ночь – только не отозванные повторные заявки, никакого жесткача и сделок с совестью. По крайней мере среди моих вызовов. Оба на северной окраине, почти по соседству друг с другом. Окраины! Понятное дело, почти вся наша работа концентрируется именно там. Я спускаюсь на нулевой этаж и иду в транспортный отсек. Сегодня сухо и довольно тепло, можно взять монолёт. Снимаю с вешалки свой шлем, мою гордость, темно-вишневый интеграл «энко» из последней коллекции. Надеваю его и кладу зажим для носа в нагрудный карман, главное не забыть о нем на вылете из города. Не выношу, как они пахнут, особенно если мне не удастся вырубить их раньше, чем они поймут, что происходит: страх делает вонь не выносимой.

***

Три дня назад мне удалось получить десятый разряд. Десятый! Мне никогда не приходило в голову, что я могу под-

няться на государственной службе так высоко.

Мне всегда хотелось водить большие грузовые корабли. Лучше старого типа, но можно и скорые. Героини и герои моих любимых книжек рано или поздно отправлялись на кораблях куда-то вдаль, на закат или навстречу солнцу, и мне хотелось также. И даже больше – судьба праздного пассажира нисколько меня не трогала, мне нужно было ни много ни мало стоять в рубке и держать штурвал.

Когда мне стукнуло 17 лет Найджела Коул получила в лаборатории стабильный 10-ти валентный криптон, с помощью которого проблема телепортации не органических физических тел весом больше 1000 кг была решена раз и навсегда. Я прекрасно помню этот день. Мы завтракали вместе с мамой, вполглаза глядя галовизор, и когда в новостях показали Найджелу и приблизительные последствия ее открытия, мама швырнула чашку с кофе прямо в стену над раковиной. К счастью для нас морская школа вернула маме всю сумму за курс, который мне не довелось прослушать. Раньше, если верить учебникам истории, от открытия до воплощения в виде полезного прибора идея могла несколько лет или даже несколько десятков лет лежать без дела или путешествовать в виде «предложений к разработке» из стола в стол, если только дело не касалось технологий, пригодных для войны. Теперь все стало быстрее, особенно в области медицины, и эта скорость иногда выбивает на обочину огромное количество вчерашних профессионалов в скоропостижно устарев-

шем сегодня мастерстве.

Будущее пассажирских лайнеров, по крайней мере, не столь отдаленное, казалось более стабильным: огромные морские корабли все еще в чести у многих туристов по всему миру, особенно у тех, кто боится путешествовать на пневмопоездах и пневмолетах. Выбор был сделан, нужно было только сдать экзамены. Правда, мне не очень нравилось, что эти махины, по статистике, больше времени проводят пришвартованными в портах. Наверное, эта моя неуверенность и сыграла ключевую роль. Неуверенность и мамина подруга, которая давно работала в ГУРП: там совершенно случайно освободилось место кадета – будущего офицера первой категории в спецподразделении «Корпус А». Так что можно сказать, на службу государству меня привел случай и мамино желание хоть немного сэкономить на образовании. Ну и рост. В «КА» берут людей не ниже 175 и весом не меньше 70 кг. Понятно, почему. Так или иначе, случайный выбор оказался не так плох, раз мне удалось получить десятый разряд к тридцати годам, верно?

Разряд присваивают за выдающиеся заслуги на службе или сборах, но на работе получить разряд просто не реально – все работает как часы, у всех одинаковая нагрузка и одинаковые в пределах разряда условия, шаг вправо, шаг влево – это скорее выговор, чем награждение. Можно, конечно, брать подработку, сидеть в дежурке и ждать случайные вызовы, но мне это не по душе, случай – это всегда ошибка,

а ошибок в нашем деле должно быть минимум. По крайней мере, в моей работе.

Другое дело сборы! Каждый год мы выезжаем на две недели на небольшой остров, далеко от цивилизации, где не берет никакая связь и все по-настоящему – житье в палатках, похлебка в котелках, и прочая солдатская «романтика». Каждое подразделение живет в своем секторе, но тренируется каждый солдат со своим разрядом, по принципу «равный среди равных». Есть также общие зоны, где мы встречаемся по вечерам – делимся опытом, успехами и неудачами, вместе трапезничаем и играем в настольные игры, если остаются силы.

Первые три дня сборов – сплошные гонки на выживание. По пятьдесят километров в день, с препятствиями, которые усложняются каждые сутки, начиная с легких невысоких заборов и заканчивая горящими туннелями и подъемом на осыпающиеся земляные или каменистые холмы, или почти отвесные скалы. Водоемов и жидкой грязи на маршрутах тоже полно, так что приключений, как говорится, с лихвой на любой вкус. Потом два дня занимаемся стрельбой и рукопашным. И наконец, последние 48 часов тренируемся на животных. Чаще всего на кабанах, изредка на гориллах. Мне повезло тренироваться на гориллах всего четыре раза за восемь лет службы. С гориллами интересней и наглядней: если загнать самца в угол он встает на задние лапы, совсем как человек. С другой стороны, секач как правило агрессив-

ней, его сложнее переворачивать, а значит польза от такой тренировки больше.

В самом начале, почти семь лет назад мне встретился такой забавный и дружелюбный самец гориллы, что пришлось прекратить преследование и отпустить его восвояси. Зверь просто сел на землю и наблюдал, как я подхожу, ухмыляясь во весь рот. Нападать на него, такого любознательного и дружелюбного, было выше моих сил. Думаю, если бы все это представление попало на камеру дрона, пришлось бы в тот же день сдать парализатор и служебную карточку. Особенно если учесть, что мы тренируемся на теплокровных синтетических имитациях, не способных испытывать боль. Мне повезло – мой дрон по непонятным причинам вышел из строя за полчаса до встречи с общительной гориллой, а мне за эти сборы присвоили сразу 2 разряда, видимо, чтобы мне не пришлось в голову обжаловать решение судей из-за отсутствия видеохроники по вине IT-службы.

Теперь уже нет, дело прошлое, но раньше мне часто вспоминался и этот случай, и мои переживания. Я никому не рассказываю об этом, это странно и смешно – пожалуй робота, созданного для тренировки. Хотя в этом и нет ничего страшного: любой, кто не смог выполнить задание из-за положительно окрашенных эмоций просто переводится на другую службу – например, контролировать роботов-полицейских или заниматься просветительской работой в школах. Никаких штрафов или даже выговора не предусмотрено, потому

что жалость – это положительная эмоция, а *добро не наказуемо, оно не может быть наказуемо, это противоречит конституции и элементарной человеческой логике*. И наоборот, солдат, который счел одного хряка чрезмерно агрессивным, и вместо дозы храпача распорол животному живот, был уволен в тот же день, прямо со сборов. Не удивлюсь, если помимо увольнения он получил направление на принудительное лечение и коррекцию эндокринной системы.

«Современный про-активный наемник должен уметь блокировать негативные эмоции, потому что любая агрессия – это отрицательные эмоции, вышедшие из-под контроля. Не контролируемые эмоции приводят к таким последствиям, как умышленное нанесение тяжкого вреда, почти всегда не оправданного ситуацией. Это совершенно неприемлемо.» Примерно так начинается первая вводная лекция в «Корпусе А», если мне не изменяет память. Столетний препод, читавший нам эти лекции, не мог произносить шипящие, так что «вышедшие» у него получалось как «виседсее», а «умышленное» как «умисленное», и весь первый курс передразнивал его между собой на разные лады. Старикан был начитан и мудр, мог многому научить, но молодежь была безжалостна уже потому, что звали его Кшиштоф Шируски, и бедолага не умел произнести даже свое имя так, как оно должно было звучать. Праматерь его явно откуда-то с территории древней Польши. Теперь ведь все перемешались с этой стороны земли, словно Канонский Вавилон это история о настоящем и

будущем, а не о прошлом.

Основная же мысль, которую в молодые горячие головы должен был вложить мудрый шепелявый поляк, была очень даже хорошей: «солдат не имеет права испытывать ненависть». Это стандартная утренняя речевка всех государственных наемников, так или иначе работающих с людьми. «Солдат имеет право испытывать брезгливую жалость» – это наша шутка-междусобойчик. Невозможно ненавидеть того, к кому испытываешь отвращение и жалость одновременно. Это здорово помогает держать себя в руках, а заодно спасает от милосердия в том извращенном виде, в каком его знали наши предки.

***

Я очень хорошо помню того парня. Кажется, он был с Английского полуострова, откуда-то с северного побережья. Высокий, светлоглазый, с правильными чертами лица, очень привлекательный и остроумный. Вечером перед началом третьего этапа мы сидели рядом в столовой и мило болтали – о службе, о жизни, о новом альбоме воссозданной в цифире ретро-группы RHCP¹, о маршруте № 14 – непроходимом кошмаре из метрового слоя грязи, непролазных кустов и почти отвесной горы в самом конце в качестве вишенки на торте... Мы легко могли стать друзьями после вручения разрядных дипломов. Все к тому шло. А на следующий день он распорол работа кабана от глотки до самых яиц. Так, что

---

¹ RHCP – Red Hot Chili Peppers – популярная американская рок-группа.

все его синтетические потроха, мало отличающиеся от настоящих, кроме, конечно, сине-голубого цвета, вывалились наружу из огромной зияющей дыры. Самое поразительное, этот парень даже не усypил робота храпачом или нейробоєм или, на худой конец, парализатором. Просто распорол живьем, если конечно так можно сказать о роботе, который продолжал визжать и шевелиться еще несколько минут, словно он действительно *живой*.

После ужина нас собрали в общей столовой, полковник Эйлин выступила с короткой лекцией на тему «Допустимые нормы поведения солдата А» и сообщила нам что нарушитель спокойствия уже далеко. Мы просмотрели замедленную запись с дрона несколько раз, под монотонный голос мисс Эйлин: ненависть не имеет оправдания; эмоции, вышедшие из-под контроля, чаще всего приводят к агрессии; солдат должен быть беспристрастен; агрессия приводит к разрушению личности...

До этого случая мне всегда казалось немного странным, что нас пичкают ужасающими историями о том, как было раньше, чтобы мы ни на секунду не сомневались в том, что делаем. После случая с этим парнем мне больше так не кажется. Каждый раз, когда я вспоминаю распоротое брюха кабана, меня прошибает холодный пот. Можно общаться с мужчиной, считать его веселым, милым, почти другом, даже не подозревая, что он в одно мгновение может слететь с катушек ни с того ни с сего. В глубине души я считаю,

что на государственную службу можно брать только физически усовершенствованных людей, особенно когда речь идет о людях с мужской биологией. Химия частенько дает сбой, и мы, солдаты «Корпуса А» – прямое тому доказательство. Хотя, часто дело не в химии, а в том, что кто-то сознательно отказывается контролировать ее в собственном теле. В любом случае, солдатки надежней, хотя мало кто произносит это вслух, чтобы не обижать мужчин лишний раз. Мама говорит, за последнюю тысячу лет мир здорово изменился и продолжает меняться, но толерантность все также в моде и все также декоративна. Мы давно уже не произносим вслух «черножопый», но мысленно всегда добавляем «мудак».

Я верю, что зло внутри нас должно быть наказано во имя будущего и во имя добра. Я верю, что с ним можно и нужно бороться. Но мне грустно от мысли, что все это длится несколько тысячелетий и лишь сравнительно недавно мы едва-едва приблизились к подобию справедливого регулирования. Мне грустно признавать, что несмотря на смысловой парадокс словосочетания «насилие во имя добра», это все еще самый действенный метод. Особенно, когда речь идет о тех, кто носит в своем геноипе бомбу замедленного действия.

***

С первым вызовом мне удалось справиться за 19 минут. Это не рекорд, конечно же. А вот второй заставил повозиться. Он был просто огромный – килограмм 110 весом. Во-

лосатый, и, скорее всего, вонючий, – зажим для носа позволил мне остаться в счастливом неведении. Определенные привычки и образ жизни всегда сопровождаются набором «спутников», образуя устойчивые связки – большинство эрпэшников окраин неопрятные, не бритые, с отвратительной сальной кожей, грязью под ногтями на огрубевших пальцах и устойчивым запахом изо рта. Может быть, если их отмыть, побрить и переодеть они станут похожими на обычных людей из города, но в естественном своем состоянии они вселиют в меня настоящее отвращение, хоть я стараюсь относиться к ним нейтрально, согласно уставу. Без неоправданной жестокости и вежливо, если приходится вступать в вербальный или зрительный контакт.

Сегодняшний боров не успел меня заметить: мне удалось пальнуть в него нейробоем со стороны спины. Если сделать это с более близкого расстояния, можно успеть подскочить и уложить падающее тело на спину, но в этот раз огромный кусок пахучей плоти неуклюже рухнул вперед и немного набок. Вблизи оказалось, что у него открыты глаза. Такое иногда случается.

Мой самый первый «пациент» вырубился вот так, с широко открытыми глазами. Дождь лил как из ведра, мне нужно было сначала затащить его под навес, и пока мы это делали вдвоем с Хоффом, меня не оставляла надежда что глаза все-таки закроются через какое-то время. В конце концов, пришлось работать так, под пристальным взглядом этого моло-

дого паренька, лет, наверное, двадцати с небольшим, почти такого же, как я в то время. Капрал Хофф, мой наставник и напарник в течение стажировки, все время шутил, мол, некоторые любят наблюдать за нами, что с них взять, извращенцев, такая у них природа, отца их так и растак.

От его шуток становилось немного легче: руки меньше тряслись и было почти не слышно, как ухает сердце где-то внутри. В любом случае, времени было в обрез, и во чтобы то ни стало, нужно было довести начатое до конца, пока действует инъекция нейробоя. Стандартная доза работает как минимум 25 минут, и все эти 25 минут во мне зрела уверенность, что утром следующего дня я сдам жетон. Когда мы закончили и уселись обратно в аэрокар, Хофф молча включил автопилот и протянул мне небольшую флягу и две таблетки. «Ты всегда можешь выйти из игры. Каждый божий день. Безо всяких сделок с совестью: никакого «кто же кроме нас». Потому что на твое место конкурс из 10 человек, сечешь? – он взял у меня флягу и хлебнул еще – Но самое главное, что тебе нужно знать, единственное, что на самом деле тебе нужно знать, это то, что ты на светлой стороне. Что все эти говнюки, которых мы должны ворочать и волочить по грязи на дожде, будь они не ладны, – не люди. Они отбросы, генетический мусор, мрази, животные на двух ногах, кто угодно, они не заслуживают и капли твоего гребаного сострадания, сечешь? У них был выбор, они его сделали, прекрасно зная, что за этим последует. Мы с тобой просто исправляем ошиб-

ку». На самом деле Хофф тоже часто ошибался, как и все люди, просто солдатам А это всегда сходит с рук.

Кажется, с тех пор прошло лет 20, а на самом деле всего семь. Или восемь? В корпусе быстро взрослеешь и теряешь чувство времени, а вместе с ним и веру в светлое будущее человечества. По крайней мере веру в будущее, одинаково светлое для всех его особей. Хотя, наверное, так было и будет всегда. С другой стороны, если вспомнить, например, начало прошлого тысячелетия – очевидно, что прекрасная жизнь для многих из нас уже наступила. Смотря с чем сравнивать.

Закрывать глаза человеку в отключке довольно просто, и, несмотря на шутки Хоффа я всегда это делаю, не задумываясь почему. Теперь я задумываюсь, почему *он так не делал*. Никто не любит эрпэшников, любой нормальный член общества имеет полное моральное право относиться к ним свысока. Но снисходительная жалость – это то, что, испытываю к ним я. Я думаю, может ли существовать какой-то альтернативный способ жить в мире с теми, кто не умеет себя контролировать? Кроме того, которым занимается «Корпус А» и я в том числе?

Теперь нужно достать аптечку, надеть перчатки и заняться делом, но сначала я вытаскиваю из кармана пару капсул «Тишины», чтобы снова быть на высоте. Легкий доступ к медиаторам и алкоголю – еще один плюс «Корпуса А». Не знаю ни одного коллеги с ограниченным алкогольным доступом. Мы не должны чувствовать себя плохо и испытывать муки

совести. Мы должны любить свою работу и делать ее хорошо, йу-ху!

Операция наказания занимает в среднем 15 минут. От ввода в состояние наркоза до нанесения штамп-татуировки на правую кисть, или, в самом крайнем случае, на правую скулу. У меня еще не было таких вызовов, но вообще их полно, если верить статистике. И это, пожалуй, самое печальное. Еще не так давно корректируемым наносили тепловое тавро, но примерно семьдесят лет назад правительство все-таки согласилось, что нанесение клейма – более болезненная процедура, чем химическая татуировка, не говоря уже о том, что тепловым способом до сих пор кое-где в колониях помечают крупный рогатый скот на молочных фермах. Впрочем, суть, от этого нововведения поменялась мало. «Скот» – это самое подходящее слово для всех, кому мы наносим татуировки.

Когда все закончено нужно поднять руку вверх, чтобы дрон спустился за результатами тестов. Невидимый маленький шпик, постоянное присутствие которого – досадная необходимость любого из нас. Отпускать дрона небезопасно, но мне дороги эти недолгие прогулки на окраинах в полном одиночестве. За все эти годы мне так и не удалось привыкнуть к тому, что кто-то все время следит за мной, пусть для моей же безопасности. Это раздражает. К тому же, о том, что дрон отправился на базу, знаю только я – нынешние роботы-самописцы меньше ладони и абсолютно бесшумны, можно только догадываться, завис ли он надо мной именно сей-

час или давным-давно сидит на нашем шкафчике в раздевалке.

Иногда, закончив работу я люблю немного пройтись, подышать воздухом и дожждаться внутренней тишины. Никто из городских жителей не приезжает сюда специально, здесь нечего делать людям приличных районов. Но мне нравится здесь бывать. У самой воды мне как-то встретился бар «У Хельги». По меркам города бар был явно так себе – ограниченное количество закусок, дешевый алкоголь и грязные туалеты, но там никто на меня не глазел. Мало кто любит солдат «Корпуса А», точнее – мало кто их не боится, но у некоторых получается держаться вежливо и нейтрально. В этом баре все выглядело так, словно всем было, в самом деле, наплевать кто ты и откуда. К тому же, там была парковка с навесом для монолетов – большая редкость в этих трущобах.

***

«У Хельги» – огромный деревянный сруб на самом берегу Меларена², где деревья склонили ветви прямо в прозрачную гладь, где летом можно сесть прямо на траве у воды, а в непогоду, если повезет, занять столик на застекленной веранде. Наверное, он был построен в стиле «классического скандинавского деревянного зодчества», но я не слишком разбираюсь в древней архитектуре, по крайней мере, куда хуже, чем в истории. Впервые он мне встретился случайно –

---

² Меларен – озеро в современной Швеции, но восточных берегах которого располагается Стокгольм.

в двух кварталах отсюда был вызов. Довольно сложный «пациент», быстрый и юркий, уж не знаю, как он меня заметил, мне пришлось догонять его на монолете почти десять минут, пока здесь, на самом берегу, он, наконец, не свалился, поймав дротик нейробоя прямо в шею. Наверное, из бара нас могли увидеть, и скорей всего именно так и было. Заходить туда сразу после операции было не самой хорошей идеей, но мне очень хотелось просто посидеть в тепле и выпить горячего чая. Те, кто нас боится или ненавидит, и те, кто ненавидит и боится одновременно, и те, кому нет никакого дела, забывают, что мы такие же люди из плоти и крови, со своими радостями и печальями, и что нам иногда тоже хочется просто посидеть за чашкой чего-нибудь горячего после долгого дня. Никто из посетителей на меня не реагировал, ни словом, ни жестом, ни фырканьем вслед, как будто меня там и не было, и это было именно то, что нужно.

Внутри было шумно и темно. Темнота – в ней было дело, скорей всего. В темноте мало кто может сходу разглядеть форму солдата «КА» – просто человек, одетый в темную одежду, ничего из ряда вон выходящего. Значит, когда ты заходишь, никто на тебя не пялится, и не прекращает беседу и не начинает шептаться вслед. С одной стороны, если хочешь провести вечер в баре, разумно прийти в гражданском. С другой – если хочешь безопасно посидеть в баре на окраине – лучшего костюма, чем форма наемника «Корпуса А», не найти. Впрочем, самое разумное, конечно, держать-

ся подальше от всего, что находится за пределами Большого Городского Периметра. Другое дело, что мы очень быстро перестаем бояться окраин. Глаза много увидели, а руки много сделали, часто не глядя, страх стал цепным полудиким зверем, постоянно шагающим где-то рядом, иногда напоминающим о себе еле слышным шуршанием дрона.

Алко-тестеры в баре не работают, но все вокруг делают вид, что все в порядке. Многие посетители напиваются, а многие из напившихся совершают потом преступления и попадают в жернова Государственной Судебной Машины. В городе нельзя заказать выпивку, не пройдя тест, и это одна из причин безопасности, если не основная. Мама говорит, что раньше в городе было также, как на окраинах, и что человеческая глупость и алчность никогда не перестанут существовать, как и мужская похоть. Но я верю в селективную генетику и торжество разума и думаю, что рано или поздно человечество станет иным.

Большая часть посетителей бара, конечно же, мужчины. Выглядят многие прилично, но глаза у большинства уже стеклянные от алкоголя, а вся умственная деятельность, скорей всего, давно сосредоточилась вокруг мыслей о спаривании. Мама называет мужчин «промежуточным звеном между обезьяной и женщиной», и глядя на этих жителей окраин я не могу с ней не согласиться хотя бы отчасти.

Я заказываю ром, сажусь за высокий столик у окна, закрываю глаза, и включаю помощника: – Добрый вечер, Ким! Как

вы себя чувствуете? Чего вам хочется сейчас? Я скачал для вас старинный англоязычный рок с женским вокалом, «The Cranberries». Хотите послушать?

Ровно через пять минут мне приносят ром, и не кто-нибудь, а сама Хельга, хозяйка бара. Я дружелюбно протягиваю ладонь для теста, она подмигивает, улыбаясь, и ставит ром на стол. Я вновь включаю ассистента и ловлю себя на мысли, что Хельга мне нравится. Мне хотелось бы встретиться с ней при других обстоятельствах, поболтать о чем-нибудь не важном и легком прихлебывая какао и болтая ногами под столом, где-то в другой части города, в другое время дня, в другой какой-то жизни...

***

На часах 5-45 утра. Черт знает, что такое. Мне не удалось и трех часов поспать, когда вдруг из рабочего смартфона загорланил тревожный сигнал. Мы все подключены к одной виртуальной сети, и возможность отключения звукового сигнала тревоги недоступна даже тем из нас, кто немного рубит в программировании – ее просто нет по умолчанию. Даже звук обычных сообщений отключить нельзя, приходится день ото дня слушать, как приходят «важные новости» о том, кого куда перевели, кто назначен временным руководителем отдела по работе с подростками и сколько лет уже прошло со дня основания «Корпуса А». Можно, конечно, выключить телефон совсем, но руководство обязательно получит уведомление об этом – а значит, придется писать объ-

яснительную. Выключить дурацкий передатчик можно только в самых крайних случаях, например, когда вы в отпуске или только что отдежурили целые сутки, или на задании вам случайно вышибли мозги и вы временно не можете даже шевелиться, не то чтобы адекватно реагировать на сигнал тревоги.

Юля, коллега, чей шкафчик для одежды и личных вещей находится справа от моего, как-то сказала, что для того чтобы по-настоящему выспаться нужно убирать рабочий смартфон в морозилку – так его будет почти не слышно, но при этом он останется включенным, как того требует начальство. Улыбаясь, я думаю – проснулась ли Юля и увижу ли я ее на собрании?

Кое-как я сползаю с кровати и бреду в ванную. В конце концов, тревога ночью – это что-то серьезное. На моей памяти такое в третий раз, если, конечно, она не окажется учебной.

В зеркале морщится от света не выспавшийся зомби, которого хорошо бы умыть, причесать и одеть за пять минут, чтобы успеть на общий сбор через полчаса. Я в последний раз смотрю в зеркало, завязываю шнурки, надеваю шапку и спускаюсь вниз, где уже ждет такси – вести какой угодно транспорт после рома и трех часов сна запрещено даже наемникам «КА», и, хотя не все из нас такие законопослушные, закон одинаково суров для всех.

Залезаю на заднее сиденье и пытаюсь дремать, почему-то

вспоминая очередную мамину историю. Мама рассказывала, что раньше в такси обязательно был руль и человек-таксист. Ну и работенка была – целыми днями сидеть в жестяной банке и развозить разный люд туда-сюда. Теперь можно вызвать автопилотируемый транспорт, или автопилотируемый транспорт с возможностью ручного управления. Аренда последнего обойдется в два раза дороже, естественно.

Если бы за рулем электрокара сидел таксист, как в былые времена, о которых мне известно так мало, возможно он сказал бы что-то вроде: «Куда же вы в такую рань? Ох-уж эта служба!». Впрочем, не обязательно все таксисты были болтунами. Тем более, в шесть утра. Тем более, подвозя человека в форме. Я ловлю себя на мысли, что все время стараюсь не думать о маме, и так или иначе постоянно вспоминаю о ней. Нужно обязательно заехать сегодня в больницу, поболтать, поспрашивать. Сразу после собрания, если будет еще не очень рано, в крайнем случае, подожду немного в кафе.

ГУРП принадлежит самое большое здание на главной площади. Гигантский небоскреб из тонированного, почти черного стекла. На главном стенде центра городского туризма о нем написано коротко и ясно «жемчужина Нордроса – здание «Государственного Управления Репродуктивным Поведением» – двухсот пятидесяти этажный небоскреб построенный в стиле классического хайтека конца второго тысячелетия.» Если я правильно помню из курса школьной истории, его проектировали с оглядкой на какой-то известный

небоскреб из России, правда последний был меньше, ниже и давно уже не существует. Как и многие другие знаменитые здания, города и страны.

Вообще все стеклянные панели на самом деле прозрачны, их цвет регулируется обычным пультом, как и окна в любом современном электромобиле. Но на темных стеклах лучше отражаются облака, и небо, и вечерние городские огни, и сквозь них не видно, что делается внутри. Это важно. Ночью и днем, сверху, снизу и по бокам огромные прожектора подсвечивают гиганта, так, что кажется, будто светится изнутри само здание. От части, почти так оно и есть – многие этажи небоскреба облицованы не стеклом, а плазменными панелями. Чтобы граждане могли читать напутствия, о том, как следует и как не следует вести себя в обществе и просматривать короткие ролики о том, за что можно получить наказание и за что следует пожаловаться на сограждан. Иногда тут же транслируют сводки о задержанных и осужденных, но это, конечно, гораздо реже и в основном по ночам.

По умолчанию на здании чаще всего бежит бегущая строка с какой-нибудь выдержкой из «Билля о равной ответственности, обязанностях и последствиях», например: «Гуманного отношения к себе заслуживает только тот член общества, кто гуманно относится к другим членам общества». Любой современный человек знает и помнит эту формулу наизусть. Самый простой выход на деле оказался самым трудным, и самым неоднозначным, как это часто бывает. Но

мне платят, хорошо и вовремя, не за то, чтобы думать о том, что хорошо, а что плохо, и так ли хорошо, то, что принято теперь считать хорошим. Все на свете развивается примерно одинаково, сначала по нарастающей, а потом происходит какой-то незначительный толчок, в котором сразу и не угадаешь «начало конца», и все словно катится вспять, раскручивается в обратную сторону, и, наконец, летит в тартарары, как огромный снежный ком, доводя ситуацию до абсурда и полной противоположности. Так было с рабством в большинстве древних стран, так было с курением во всем мире прошлого, так было с религией почти до наших дней, пока, наконец, ей не отвели подобающее место.

Иногда ГУРП гоняет на строке социально значимую рекламу, например: «Добровольная анонимная орхиэктомия³ – это ваш сертификат на двукратную реинкарнацию (предложение действительно только для носителей SRY2a)». Или «Курсы осознанного родительства при ГУРП это тридцать вопросов на экзамене вместо сорока. Запишитесь прямо сейчас!». Но сегодня, наверное, и в самом деле случилось что-то серьезное – на всех строках бежала, не меняясь, одна и та же надпись: «Общегородская Тревога Класса А. Пожалуйста, не выходите из дома до 9 часов утра».

***

Сонные и хмурые, не выспавшиеся мы приветствуем друг друга едва заметным кивком головы, безмолвно задаем друг

---

³ Орхиэктомия – операция по удалению яичек.

другу один и тот же вопрос, также безмолвно пожимаем плечами, потихоньку собираемся в большом конференц-зале и ждем. Когда на сцену выходит Аретта Гарет сомнений не остается никаких – случилось, в самом деле, что-то из ряда вон.

– Дорогие коллеги. – она замолкает, поправляет седые волосы, долго откашливается, а потом пьет воду большими глотками, прямо из горла, забыв налить ее из бутылки в стакан.

За ней на большом полотне появляется изображение – карта города и выделенный на ней красным цветом маленький квадрат в середине квадрата побольше. Судя по всему, что-то случилось примерно в той части города, где мне пришлось работать этой ночью. Фактически у меня под носом.

– Коллеги. Сегодня произошло чудовищное преступление. Ничего подобного не случалось во всем Нордресе почти пятьдесят лет. Жертва – тринадцатилетняя девочка. Изнасилование, убийство, неподобающее обращение с телом. Я прошу вас надеть очки, взять в руки джойстик и быть очень внимательными. Я буду лично просматривать каждый отчет. Я буду лично курировать расследование. Найти и выследить чудовище мы должны в самый короткий срок. Это немыслимо. – добавляет она очень тихо, куда-то мимо микрофона, но мы все слышим, и все, как один, согласно киваем, надевая очки.

Я не люблю работать удаленно и вообще любое виртуаль-

ное присутствие, у меня начинают болеть глаза даже в обычном галотеатре, что-то не так с давлением в глазном яблоке, но метод, конечно действенный – ясное дело, что все мы там просто не поместились бы и растоптали все улики еще до того, как зафиксировали. Каждый из нас по-своему видит и на разное обращает внимание, чем больше нас осмотрит место преступления, тем больше шансов, что мы ничего не пропустим.

Я привыкаю к очкам. Вокруг очень темно, пока R2-D2⁴ не включает подсветку. На самом деле у робота-криминалиста нет имени, но весь корпус в шутку окрестил его в честь маленького бесстрашного героя старинной двухмерной киносаги. Метод «стоокого сыщика» появился вместе с началом серийного производства андроидов-помощников восьмого поколения, уже довольно давно. Мы проходили его на втором курсе, на практике же он применяется довольно редко, в исключительных случаях. Таких, как сегодня.

Андроид медленно движется по берегу Меларена, аккуратно фокусируя свой взгляд буквально на каждом метре под ногами, подсвечивая его встроенным фонарем. Он двигается по спирали, постепенно приближаясь к освещенному большим мобильным прожектором пространству. Озерная гладь с левой стороны темна и неподвижна. Я всматриваюсь в пожухлую осеннюю траву, которая колыхается от ветра и вы-

---

⁴ R2-D2 – робот-дроид из вселенной киноэпопеи Джорджа Лукаса «Звездные войны».

глядит неестественной и серой из-за искусственного света. Вдруг робот останавливается и возвращается немного назад и в сторону: видимо кто-то заметил подозрительный предмет. Андроид плавно перемещает камеру глаза, пока, наконец, не фокусируется. Пустая бутылка от лимонада. R2d2 бережно убирает ее в отсек для хранения, и продолжает движение.

Шаг за шагом, квадрат за квадратом, мы прочесываем примерно квадратный километр, собирая редкий мусор, снимая и замеряя отпечатки следов на грязи. Теперь пора вдохнуть поглубже – робот выходит под свет прожектора. Сначала мне сложно сосредоточиться и понять, что именно показывает камера. Когда глаза осознают изображение, хочется плакать и кричать одновременно. Я закрываю глаза, зажмуриваю их сильно-сильно чтобы не прослезиться, а в голове раздается голос Хоффа: «Если бы не наше сраное «гуманное» начальство, с насильниками я бы поступал очень просто – отрезанные семенники вставлял бы в глазницы вместо глаз, и безо всякого наркоза. Раз они, так или иначе, смотрят на мир яйцами, так почему бы не помочь им в этом, а? Если тварь видит мир и окружающих людей только как полигон для удовлетворения своих половых прихотей – так, пожалуйста! Вуаля, как говорится, инджой⁵! Теперь можно смотреть на мир собственными яйцами, минуя посредников. Почему мы не можем этого делать, а? Почему мы должны

---

⁵ «Инджой!» – Enjoy, с английского – «Наслаждайся!»

жить с этими тварями бок о бок?»

С тех пор, как мы сравнялись по званию, я отдаю себе отчет в том, что считаю Хоффа грубым, недалеким и невежливым человеком, не от обиды или зависти, а потому что он *такой*. Но впервые в жизни мне пришло в голову, что в его словах есть какая-то первобытная правда и боль вечного человеческого бессилия перед злом. Бессилия, которое очень выматывает.

***

Мне пришлось провести в офисе почти восемь часов, чтобы оформить – заполнить карточки личного дела, напечатать обновленную автобиографию, сфотографироваться, побеседовать с руководительницей отдела расследований. Формальности, всегда необходимые в подобных делах. Теперь у меня на руках были все обязательные допуски, справки и ордера, можно было приступать к расследованию сию же секунду. Но лучше все-таки завтра с утра – прямо сейчас чудовищно хотелось есть, пить и отдохнуть.

Еще накануне вечером в голове продолжала крутиться мысль – как, где и с кем праздновать получение десятого разряда, а теперь предстояло придумать, как отметить куда более серьезное повышение. Что-то мне подсказывает что Хофф, когда узнает, обязательно скажет, что нужно закатить две вечеринки подряд. В любом случае все это лучше отложить до того момента, когда мы поймаем чудовище – праздновать сейчас просто немыслимо, во всем городе траур и

прощание назначено через четыре дня.

Я покупаю сосиску в тесте в кафетерии на первом этаже и огромный капучино, чтобы не уснуть здесь и теперь, потому что, несмотря на усталость, самое время заехать к маме, иначе я отложу и забуду еще на неделю, а то и дольше. Неизвестно, как пойдут дела, но очевидно, что с новой работой свободного времени у меня уменьшится.

В самом конце собрания, когда все мы почти закончили заполнять отчеты в рабочих планшетах, тщательно записали, кто что заметил, кто что думает и может предложить, ко мне подошел секретарь, молодой стажер откуда-то из Гелс-ингфорса, любознательный юнец по имени Нильс, и шепотом попросил зайти к Аррете. Вот он, тот самый случай, когда всем сердцем радуешься оказанной чести и доверию, но до последнего момента сомневаешься в реальности происходящего, подспудно ждешь неминуемого разоблачения, когда вдруг откроется, что это чья-то случайная ошибка, путаница, и что с минуты на минуту, наконец, прозвучит – ах, простите, я обознался, это не вам.

Это была моя первая встреча с генералом с глазу на глаз. Раньше мне никогда не представлялась такая возможность. Да и многим кроме меня. Большинству из нас. Из лифта мы вышли в просторный холл, совсем не похожий на обычное офисное пространство нашего гигантского муравейника: огромный светло-бежевый ковер с длинным толстым ворсом, уютные и мягкие на вид диванчики, обитые оранжевым

плюшем.

– Я доложу о вас, капрал, располагайтесь. – Нильс исчез за огромными дверями.

В древние времена «рабочие генеральские покои» однозначно выглядели не так. Для большинства из нас последняя война – лишь цифры в учебнике истории, мы забываем о них, едва получив аттестат зрелости. Но мир внутренних и внешних войск с той поры однозначно стал менее церемониальным и символичным: Аретта пришла на собрание в обычном деловом костюме, а не форме, и никто не придал этому никакого значения. Вообще весь наш гигантский небоскреб больше похож на обычный современный офис. И хотя на задания мы, конечно же, надеваем форму – это мера нашей же безопасности, а не дисциплина сама по себе. Дисциплина есть, но жестких правил, не обоснованных ничем, кроме желания одних людей командовать другими – нет. Как следствие, нет дедовщины, и других жестоких странностей прошлого – карцера, например. Просто удивительно, какими недалёковидными были наши предки, всерьёз полагая, что обида и страх могут быть хорошими мотиваторами на службе. И удивительно, что нынешние земляне стали гораздо человечней к самим себе и гораздо безжалостней в одно и то же время. Наверное, золотой середины просто не существует.

Вид на город отсюда был совершенно невероятный. Двести пятидесятый этаж. Полтора километра над землей. Самое высокое сооружение на всех трех континентах. Да и са-

мое высокое творение человека, когда-либо существовавшее на земле. Далеко под ногами раскинулся Нордрос, простираясь от самого балтийского моря. Если верить древним картам, раньше здесь было столько островов, что не сразу можно было разобрать, где кончается море и начинается пресная вода. С тех пор уровень воды здорово поднялся, целые городки и поселки потихоньку ушли под воду, теперь от них ничего не осталось – течение здесь такое, что острый камень становится окатышем за год. Давно, на втором или третьем курсе в рамках «Истории современной цивилизации» нам показывали Кокгольм, как-то так он назывался, столицу маленького мудрого государства, где зародилась и началась идеология и культура нашего мира, каким мы его знаем. Городок был небольшой, но очень красивый, раскинувшийся на островах, которых тогда было несметное количество.

– Добрый день, капрал. Спасибо что уделите мне время после бессонной ночи. – Аррета стояла у окна, спиной ко мне. – присаживайтесь, пожалуйста. С учетом всех обстоятельств, и чтобы отпустить вас отдохнуть как можно скорей, я буду очень лаконична. Я прочла вашу характеристику и автобиографию. Ваши навыки, умения, серьезное отношение к делу и количество разрядов – все это весьма впечатляет, учитывая ваш возраст и гражданское происхождение. – она повернулась, – Я полагаю, что, если я доверю вам освободившуюся недавно должность детектива отдела внутренних расследований, я поступлю правильно. Можете приступать с

завтрашнего дня. Детектив О'Брайен введет вас в курс дела и познакомит вас с рабочим местом.

– Генерал Гарет, я могу осведомиться, почему детектив О'Брайен покидает этот пост?

– Вы сможете осведомиться у детектива лично – Аретта улыбнулась и шагнула ко мне, протягивая руку – я, надеюсь, вы понимаете, что причину сегодняшней суматохи вам необходимо поймать и выследить в самый короткий срок.

– Вне всяких сомнений, генерал. Я приступлю к делу сегодня же, и сделаю все, что от меня зависит. Благодарю вас за оказанное доверие.

– Хорошо. Ступайте, Уайлд.

– Генерал. При всем уважении к вам и моей бескрайней благодарности, я не могу не сказать, что я слишком эмоциональный и чувствительный человек для такой работы. И у меня совсем нет опыта в криминалистике. Наверное, капрал Хофф, или кто-то похожий на него подойдет для этого дела значительно лучше, чем я.

– Судя по вашему диплому, вы прослушали и сдали на отлично шесть семестров «Общей Криминалистики». Я полагаю, этого более чем достаточно, а все остальное каждый детектив получает только с опытом. К тому же, вы всегда можете рассчитывать на помощь более компетентных коллег. – Она помолчала, улыбаясь чему-то – Вы еще очень молоды, капрал, и не можете знать, что сила человека почти всегда каким-то образом связана с его слабостью. Чаще всего это две

стороны одной и той же медали, ни одна из которых не может существовать без другой. Ваши эмоции и ваша... горячность – лучшие союзники в подобных делах, можете поверить мне на слово. Только человек по-настоящему увлеченный и страстный добивается настоящего успеха. – она еще раз пожала мою руку. – Удачи, капрал.

***

Мама не встает уже четвертый месяц. Наверное, уже не встанет до конца года. Тут уж как повезет. Мама ждет донора, а с донорскими телами всегда очередь. Тем более, с женскими. Женщины очень редко попадают в распределитель, приходится ждать месяцами и даже годами. Теоретически можно осуществить кросс-пересадку – но кто же в здравом уме согласится поменять более совершенное тело на тупиковую ветку пушечного мяса эволюции?

Мама одна из тех храбрых самоотверженных людей, кто добровольно согласился на первый длительный опыт глубокого экосна. По условиям контракта, через сто земных лет, в случае успешного пробуждения, государство должно было выплатить ей гарантированный восьмизначный гонорар с учетом индексаций и инфляции. В случае неуспеха и смерти добровольца, положенный гонорар должны были получить наследники. Было, конечно, еще кое-что – все участники болели той или иной формой рака. Фактически, добровольцы соглашались переждать во сне «до лучших времен», в надежде, что спустя сто лет люди научатся наконец лечить любой

рак, или, по крайней мере, биопечать уже разовьется до того уровня, когда можно будет легко и просто создать любой орган, абсолютно идентичный по ДНК.

В тот конкретный момент человечество на всех порах готовилось не только к колонизации Марса, но и к освоению ближайших солнечных систем, смутно догадываясь, что на родной старушке Земле его рано или поздно ждут катаклизмы не бывалой дотолы силы и мощности, настоящий Армагеддон из Канона, о котором еще до Канона рассказывал почти каждый религиозный трактат, типа библии, корана и более ранних. Поэтому научиться впадать в анабиоз и выходить из него без последствий для нервной системы и мозга было задачей номер один.

Через сто лет о подземном бункере со спящими добровольцами не то чтобы забыли – было совсем не до них. Так они и спали, пока мир содрогался, выгорал и рушился, стирая с лица земли зверей, людей, народы, города и страны, погружая в пучину маленькие острова и большие материки. То, что эксперимент проходил на территории существовавшей тогда российской Сибири напрямую повлияло на его результат – именно эта часть света пострадала меньше всего. Старушка Евразия, самый большой континент, где до начала катастрофы проживало примерно семьдесят пять процентов всего населения земли, то есть больше чем две трети, пострадал к концу землетрясений и извержений значительно меньше других. Собственно, потому человечество и выжило.

Как-то во время учебы мне попалась длинная научная статья на тему «почему произошло именно так, а не иначе», которая, впрочем, не отвечала однозначно на поставленный вопрос – всего лишь одна гипотеза из многих. Любая современная школьница могла бы выдумать нечто подобное, опираясь на данные о положении тектонических плит, характере и траектории их движения, направлении и силе ветра и течений и прочую общеизвестную информацию. И эта конкретная гипотеза, и десятки других, созданных после катастрофы, людей, далеких от науки, то есть таких как я и остальное большинство, только раздражают. Если метеорологи и климатологи такие умные, то почему ж они до сих пор не научились предсказывать хотя бы цунами, торнадо, пожары и наводнения, не говоря уже о том Судном Дне, который за несколько недель уничтожил добрую половину суши?

К тому моменту, когда участников эксперимента нужно было выводить из экосна, государства, которое проводило эксперимент, уже не существовало, как и родственников самих добровольцев. Обязательства по дальнейшему ведению эксперимента взял на себя Северный Российско-Шведский Альянс, которого тоже давным-давно уже нет.

Эксперимент, начавшийся в 2052 году, наконец благополучно завершился спустя почти тысячу лет, хотя эта цифра не совсем точная, потому что на какой-то период люди вообще потеряли счет времени, ночам и дням – атмосфера была затянута пеплом настолько, что различить время суток про-

сто не представлялось возможным, магнитное поле «сводило с ума» механические часы, а электричества в какой-то момент просто не стало. В учебнике истории упоминается даже какая-то секта того времени, уверяющая современников, что дело не в пепле, а в стремительно уменьшающемся, угасающем солнце.

К тому же, время в сознании людей земли вообще относительное понятие, если учесть, что человечество несколько раз переносило начало летоисчисления на более поздние периоды, и неоднократно переносило даже начало календарного года. К слову, теперь мы празднуем новый год первого марта, и это кажется абсолютно логичным – праздновать новый год с приходом весны. Тем более, что первое марта уже было началом нового года в истории человечества. Хотя все «тысячники», и моя мама в том числе, обязательно собираются на ежегодный новогодний бал, который проходит 31 декабря. Мама покупает в оранжерее небольшую елочку и вешает на нее стеклянные шары, сделанные на заказ. Очень красивый обычай, и мне всегда немного жаль, что теперь мало кто празднует этот праздник так. Ребенком мне нравилось вместе с мамой украшать елку и потом показывать ее одноклассникам, в домах которых никаких елок не было, и никто не включал разноцветные гирлянды, не складывал под нее подарки и не зажигал свечей.

По нашему времени участников эксперимента «Экосон – будущее человечества» разбудили всего тридцать пять лет

назад. И еще пять лет маме понадобилось для того, чтобы справиться со всем этим, найти папу и решиться продолжить род, несмотря на то что изолированное от общего хода эволюции ДНК могло повести себя не предсказуемо и тысячелетней давности мамин рак с трудом поддавался современной коррекции. Ироничная судьба уготовила всем участникам эксперимента странный, редкий, не подвластный никакой человеческой логике жизненный путь, где спустя тысячу лет сна человек снова сталкивался лицом к лицу со смертельной болезнью, от которой надеялся избавиться, потратив тысячу лет.

В конце концов, как только специально созванная медицинская комиссия пришла к выводу, что «тысячелетний рак» в самом деле не поддается лечению современными методами, что на поиск «бага» изолированного ДНК уйдет время, Союз Агломераций Земли принял закон о предоставлении пожизненной многократной реинкарнации всем участникам проекта «Экосон – будущее человечества», которых было всего-то восемьсот человек. Северный Атлантический Альянс передал маме сертификат на многократную реинкарнацию, которой она теперь и дожидалась, считая недели и месяцы на удобном интерактивном горизонтальном кресле в самой лучшей Государственной Клинике Нордроса.

– Привет мам! – Я целую маму в щеку долго-долго, обнимаю крепко-крепко, пока она не говорит:

– Ну, хватит, Ким, ты меня задушишь! Хочешь поесть? Я

сейчас позвоню медбрату, нам принесут обед на двоих. Хорошо?

– Отлично, мам. С удовольствием с тобой пообедаю. – Я сажусь на стул возле кровати, не выпуская мамину руку из ладони – Как ты тут? Есть новости?

– Я уже двадцатая в очереди. Думаю, теперь осталось совсем недолго.

– Хорошо. Это очень хорошо. У меня тоже есть хорошие новости.

Громыхая сервировочным столиком, входит медбрат. У него широкое, скуластое лицо с веснушками, он улыбается и кивает, толкая столик перед собой. На столике четыре тарелки, хлеб, стаканчики с чаем, салфетки. Больница хорошая, очень хорошая, лучшая не только в Нордресе, но и на всем континенте. Просторные одиночные палаты, отличное питание, полный пансион за счет государства до и после операции. Простым гражданам сюда не попасть, да здесь и не лечат переломы и язвы. «Государственный Научно Исследовательский Институт Реинкарнации, Трансплантации и Нейрохирургии» – так это звучит полностью. Думаю, где-то тут, в том числе, они проводят опыты с носителями SRY2a.

– Меня повысили, ма. Теперь я не капрал 10ого разряда, а детектив отдела внутренних расследований.

– Я так рада за тебя, Ким! Это так здорово! – Я очень сильно тобой горжусь! Давай-ка я попрошу Генри принести нам немного портвейна, нужно это обмыть. Даже не спорь,

вот увидишь, когда он услышит, он сам захочет его принести и отметить с нами это дело.

Я не возражаю. Мне очень приятно видеть маму в таком приподнятом настроении. Наверное, когда болеешь раком в общей сложности больше тысячи лет – перестаешь париться на эту тему и уже не боишься нарушать режим. Мы сидим так, болтая, попивая терпкий портвейн почти два часа подряд, мама смеется и рассказывает свои «басни о прошлом», которые я так люблю. Люблю и никогда не перестаю удивляться, каким не логичным было все вокруг. Особенно война. Поразительно, насколько кровожадными и не сговорчивыми могли быть люди прошлого! Глупыми, бессердечными, *недальновидными*. Наконец заходит Генри, чтобы проводить меня к лифту – время посещения закончено.

Пока-пока, до новой встречи, дорогой мой человек, глаза мои слезятся от нежности, усталости и портвейна, а может быть от того что мамина щека пахнет лекарствами, больницей и одиночеством. И мысли, что человеческое бессмертие, судя по всему, пахнет именно так.

***

Впервые за много лет я прихожу на работу к десяти утра, и впервые мне не нужно надевать форму и выезжать на исполнение приговора. Все так резко поменялось, мне еще только предстоит это осознать, привыкнуть ко всем переменам, которые повлечет за собой мое назначение. Но пока на это времени нет – первое дело заведено, пора браться за работу.

Детектив Вайолет О’Брайен – высокая девушка ирландского происхождения. Волосы у нее рыжие, как медь, а на светлой коже лица маленькие аккуратные веснушки. До этой встречи мы иногда пересекались в кафе или на общих собраниях, изредка перекидываясь парой фраз. Она показывает мне свое рабочее место в кабинете расследований на двенадцатом этаже. Здесь всего четыре стола, и все детективы – коллеги одного уровня, без подчиненных. Если не считать секретаря отдела, Алана. Кроме большого рабочего стола за мной теперь числится высокий стеллаж в правом углу кабинета. Вайолет показывает папки с бумагами, вежливо объясняет, что к чему, заодно приводя бумаги в порядок: выбрасывает не нужное, подшивает важные документы в файлы.

В обед мы выходим перекусить и выпить кофе в небольшой русский ресторанчик напротив нашего небоскреба.

– Почему ты уходишь, Вайолет? Это хорошая работа. Оклад, премиальные, долгий отпуск, бонусы за выслугу и достижения, страховка... Мне очень хочется занять твое место, но я не могу не спросить – почему?

– Ты не первый человек, кто об этом спрашивает. Все хотят знать, и все удивляются, как все просто. – Вайолет поправляет свои длинные красивые волосы, глядя в сторону – я сдала родительский экзамен. На отлично. И мне 32. Самый подходящий возраст. – она улыбается, поворачиваясь ко мне.

– Ну, так почему просто не дождаться беременности и не

взять декрет, как положено? Подожди-ка... Ты решила стать профессиональной матерью?

– Очень-очень давно. – она кивает, улыбаясь, и тонкие аккуратные морщинки собираются вокруг карих глаз. Женщинам очень идут морщины. Мама говорит, что морщины – воплощение и эталон женской мудрости, свободного от похоти изящного совершенства женского тела, способности к эмпатии, состраданию и умению отдавать. – Все никак не получалось набрать проходной бал. Да и сейчас еще не все до конца понятно – анализы отличные, но как поведет себя организм не известно. В общем, ты понимаешь.

– Вполне. Хотя, конечно, это очень храбрый выбор. Работа в разы тяжелей, как по мне.

– Это бесспорно. Но каждому свое, Ким. Тем более теперь, когда такое случилось – я не хочу оставаться на этой работе, если мне придется разыскивать и брать под стражу этого психопата. Я просто не выдержу. Да и не только это. Все эти матери, не сдавшие экзамен, у которых мы забираем детей, все эти эрпешники, с которыми мы должны проводить беседы. Святая земля, они ведь иной раз мало чем отличаются от приматов. И пахнут так, что сил нет. В той или иной степени мы занимаемся этим всем. Все проходит через нас в первую очередь, и мне совсем не обязательно видеть живьем, чем занимаются солдаты «Корпуса А» и ты в том числе, чтобы понимать, какую мы все несем ответственность. Я устала. Знаешь, наверное, это работа не для всех. Не для меня.

– Точно. – я смотрю в свою пустую тарелку, раздумывая, как бы ненавязчиво сменить тему. Последний год мне тоже частенько бывало неуютно на службе, но я всегда стараюсь не думать об этом, и уж тем более не вступать в подобные разговоры. Я люблю свою работу, и моя работа несет пользу обществу – я искренне верю в эти слова. Стараюсь верить. Не хочу расшатывать лодку. Особенно сейчас. До беседы с Вайолет было очевидно, что детективом работать легче, чем палачом на выезде. Теперь же уверенность сменилась сомнением, маленькой червоточинкой размером с игольное ушко, которое с сегодняшнего дня будет расти. Неважно. – Расскажи про экзамен. Что самое сложное?

– Самое трудное – не раздражаться и не кричать на детей. Потому что это самый долгий этап, и это, в самом деле, гораздо тяжелей, чем может показаться. Но это потом. Сначала недосып. Беременность. Да все. Все, что не возьми непросто. Последний тест проводится на имитаторе виртуальной реальности высокой вовлеченности. На самом деле теряешь связь с реальностью. Это очень страшно. Я думаю, комиссия принимает решение в основном по результатам именно этого теста. По крайней мере, я бы поступала именно так.

– И?

– Ты хочешь знать подробности?

– Почему нет?

Вайолет задумчиво кивает, разглядывая свои руки.

– Хорошо. Представь себе, что сначала тебя все раздра-

жает, постоянно тошнит и хочется блевать. Сначала блевать. Потом плакать. Потом опять блевать. Сначала не можешь кашлять, потом не можешь есть. Не переставая плакать и блевать. Потом становится невозможно спать: на спине нельзя, на животе нельзя, на боку неудобно. Тяжело ходить, трудно сидеть, сложно одеваться, невозможно нагибаться, надевать обувь, вставать с кровати и все это на фоне не проходящей изжоги, газов, слезливости. Грудь все время болит, растет, мешает шевелиться, ходить, жить... В конце концов начинаешь ждать родов как чуда, одновременно приходя в ужас только представив, каково это – выдавливать из себя ребенка размером с арбуз через отверстие размером с мячик для настольного тенниса. И когда наконец все позади, приходишь в себя в палате и хочешь только одного – поспать, начинается самый ад – ребенок просит есть каждые четыре часа, плачет и вопит, и единственное, о чем думаешь целыми днями это сон. Сон и отдых становятся самой желанной, абсолютно недостижимой мечтой.

– Роды тоже включены в тест?

– О, да. Роды – это особенное чудо. «Вишенка на торте». – Вайолет смеется каким-то странным грустным смехом. Я «понимающе» улыбаюсь.

Профессиональные матери зарабатывают больше всех на земле, даже если они только воспитывают детей. Государственные же гранты на каждого рожденного ребенка – вообще золотое дно, где каждый последующий грант растет в гео-

метрической прогрессии. И все равно, матерями соглашаются быть немногие в наш век инфантильного индивидуализма, и некоторые пары сдают родительский экзамен на отлично, а потом принимают решение жить без детей.

– Разве на родах не делают обезболивание?

– Теоретически – конечно. Практически у регионарной анестезии до сих пор множество побочных эффектов и для матери, и для ребенка. В конечном счете каждая роженица сама принимает решение, но на имитации ее нет. Как сказала моя куратор – «каждая участница государственной программы должна точно понимать, на что идет». – Вайолет вздыхает. – В общем, каждый месяц это час имитации, плюс роды еще час, плюс материнство первых двух месяцев еще два часа. На второй день – собственно, материнство, с двух месяцев и до 14 лет.

– С ума сойти. Примерно по двенадцать часов? Без перерыва?

– Конечно. В жизни-то ведь никакого перерыва не будет, верно?

II

Насколько я помню из курса «Новейшей истории Агломераций Земли», родительские городки начали появляться в городах примерно сто лет назад. Если я ничего не путаю, это был последний пункт долгосрочной государственной программы «Безопасный Мир». После катастрофы, когда население земли за считанные дни сократилось почти на две трети, единственной настоящей ценностью стала человеческая жизнь. Идея растить детей только в специально отведенных зонах лишь в начале казалась утопией. У профессиональных родителей не было выбора, вместе с хорошим окладом и другими социальными гарантиями им также выдавалось подходящее по метражу государственное жилье в детском городке. Но у обычных семей с детьми выбор оставался всегда. Другое дело, что все детские учреждения – сады, школы, дома творчества юных – навсегда и с концами переехало в детские городки на окраинах. Ну и налог – в городе нужно было платить налог на содержание детей, и он был (и есть) довольно большой. Теперь семьи с детьми, живущие в городе, встречаются очень редко – здесь нет никакой подходящей инфраструктуры для маленьких жителей. Конечно, детишки целыми караванами автобусов выезжают в музеи, театры, кинотеатры и аквапарки, но каждый вечер они возвращаются в свои мини-города, где безопасно и удобно, и где каждый на виду.

Как показала практика, именно родители раньше других замечают, когда что-то идет не так, когда в какой-то отдельной семье детей обижают или обращаются с ними ненадлежащим образом. В итоге от такого тесного «сожителства» и взаимодействия выигрывают все, и случаи жестокого обращения с детьми почти не происходят.

Хотя успех реформы больше всего обязан самописцам, маленьким передатчикам, которые имплантируются малышам в мочку уха в течение первого часа после рождения. Маленький беспристрастный стукач настроен фиксировать звуки и нехарактерное резкое перемещение в пространстве, однако в любой момент может начать транслировать видео, стоит только автоматике, отслеживающей сигнал заподозрить неладное. Новоиспеченные родители получают вызов в ГУРП уже спустя час после нарушения «Регламента Обращения с Несовершеннолетними и Малолетними Людьми». В десять лет имплантат изымается, считается что именно с этого возраста дети имеют право на частную жизнь, а также становятся способны сами заметить, что родители превышают свои полномочия и самостоятельно сообщить в ГУРП.

Мама говорит, что со мной всегда было очень сложно. В младенчестве ей приходилось регулярно отчитываться за мой постоянный ор, позже – за свой. Сотрудники «Корпуса Б» приезжали к нам домой минимум раз в неделю, просто, чтобы убедиться, что со мной все в порядке. Как только мне стукнуло пять, они перестали ездить, видимо, поверили, что

от моей матери не стоит ожидать не адекватного или агрессивного поведения, но раз в месяц нам все равно нужно было приходить на медосмотр. В первую очередь государство пытается отследить насилие в семьях и педофилию, но хорошим матерям и отцам тоже достается за крики и шлепки. «Неизбежное побочное зло добра», как шутим мы в КА и вообще в ГУРП.

Мама как-то сказала, что если бы она родила меня раньше лет на сто, то регулярно «задавала бы перцу». Мама никогда не станет современной, сколько не пройди реинкарнаций, если она до сих пор верит, что физическое насилие может быть гарантом хорошего поведения и *вообще добра*. Физическое насилие – это гарант только применительно к тем, кто *выбрал его сам*. «У человечества нет временных и кадровых ресурсов учить добру тех, кто сознательно от него отказался». Это моя любимая строка из «Билля о равных правах». Хотя временами мне жаль всех тех, кто попадает в чавкающую пасть государственной машины исполнения наказаний, ведь если мы до сих пор не приняли закон о полной ликвидации носителей двух типов хромосом, значит мы сами подставляем их под удар, разве нет?

Марта живет в красивом голубом домике на самом берегу большого искусственного пруда. Жила. Живописное место, готовая визуальная цитата для брошюры про идеальный жилой район уважаемых толстосумов и семей с детьми. Вокруг аккуратные разноцветные таунхаусы, детские пло-

щадки, ухоженные газончики и насыпные дорожки. Каждый городок огорожен, попасть сюда без приглашения и без допуска невозможно. Я все время думаю об этом, как преступнику удалось обмануть систему, которую невозможно обмануть? Или он как-то выманил ребенка за пределы городка и схватил там? Я считаю до десяти, на всякий случай принимаю дополнительную таблетку и нажимаю на кнопку звонка. Рано или поздно с Наташей все равно придется разговаривать. И с Мартиным отцом, возможно, тоже.

Узнав кто я, Наташа приглашает меня пройти в гостиную. Она идет впереди по коридору, держась рукой за стену, я иду вслед и малодушно радуюсь, что это не мне пришлось звонить и сообщать ей о смерти дочери, приглашать ее на опознание изуродованного тела, стоять рядом и молчать, пропитываясь насквозь и навсегда чудовищным, парализующим, вязким горем, от которого горчит на языке и першит в горле, загораясь все пожирающим гневом бессилия. В квартире бардак, на полу то тут то там валяются какие-то предметы одежды и другие вещи. Наверное, во всех многодетных семьях так. А может быть просто сейчас не до этого? Почему я об этом думаю? Словно сознание хватается за какие-то незначительные детали, чтобы отвлечься от...

– Мы забрали Марту когда ей было всего 2 месяца. Мне было сорок два на тот момент, мужу тридцать пять. – Наташа смотрит в пол, глаза у нее распухшие, красные, но она не плачет, только сжимает и разжимает ладони все время. – Мы

решили, что это будет наша последняя малышка. Такая чудесная, милая кроха. Улыбчивая. Никогда не пойму людей, которые не хотят растить собственных детей. Конечно сложно, нужно постоянно проходить аккредитацию, сдавать экзамены, наблюдаться у психолога. Но это того стоит. Смотреть, как они растут и быть рядом – это самое увлекательное путешествие на земле и единственное по-настоящему долгое. У вас есть дети?

– Нет. Пока еще нет.

– Да. Вам ведь, наверное, еще нет тридцати. Значит вы не знаете, как это больно. – Она начинает рыдать. – Почему? Почему? Как такое возможно в наше время? Марта, девочка моя, Мартышка...

Мне хочется как-то ее поддержать, но я не знаю, что надо говорить в таких случаях. И что надо делать. Если я собираюсь задержаться на месте детектива, нужно заново прослушать курс «Первая помощь и взаимодействие с родными потерпевших и *погибших*». Она трясется от беззвучных рыданий, плечи ходят ходуном, я протягиваю руку через стол, и слегка касаюсь ее ладони.

– Мы найдем его. Мы его обязательно найдем, я вам обещаю. – Я знаю, обещать этого нельзя. Но не обещать нельзя тем более.

Она отнимает лицо от ладоней, мокрое от слез и почти беззвучно шепчет: – Конечно. Конечно. Я уверена. Нельзя допустить, чтобы пострадал кто-то еще.

Мы проходим в комнату Марты.

– Я ничего не трогала. Я подумала вам захочется посмотреть, как она все оставила, может быть вы сможете найти что-то важное.

– Абсолютно правильно. – Я улыбаюсь, кивая. – вы уже нам очень помогли.

Комната девочки похожа на обычную комнату ребенка тринадцати лет. Ничего, что могло бы показаться странным или не подходящим. Элементы html кодов на листке, приколотом к стене, теперь это обязательная программа, каждый ребенок еще в школе самостоятельно кодирует свою виртуальную карточку. Рядом лист с расписанием спортивных секций. Судя по всему, Марта ходила в бассейн, на теннис и на рукопашный бой. Единоборства вообще обязательны для всех людей женского пола начиная с семи лет, но родители и сам подросток вправе выбрать какой именно вид борьбы будет изучать ребенок.

Ничего, что может пролить свет на ситуацию в комнате я не нахожу, никакой малюсенькой зацепочки, записки. Мы не нашли смартфон ребенка, но IT-отдел уже изучает ее страницы в сетях в поисках чего-нибудь подозрительного: фотографий, переписки, чего угодно. В шкафу и на столе порядок, Марта, судя по всему, была очень организованным ребенком. Я смотрю на ее фотографии в рамке, пытаюсь понять, что могло так ее заинтересовать, чтобы она пошла куда-то с незнакомым взрослым мужского пола, зная, что это

запрещено законом. Вот она с теннисной ракеткой, в широких белых шортиках и кремовых гольфах, волосы аккуратно убраны в пучок. Вот она вместе с семьей на фоне гор; черт возьми сколько же всего детей в этой семье? Вот она улыбается в камеру, белозубая, белокурая, свежая юная девочка с серыми глазами. Я вспоминаю, как выглядело ее щуплое светлокжее тельце на берегу Меларена и руки у меня начинают сжиматься в кулаки, точно также как у Наташи пять минут назад.

***

Рядом с кабинетом детективов, где теперь находится и мой рабочий стол – толстая карбоновая дверь с табличкой «Кабинет профилактической работы». Здесь допрашивают подозреваемых, хотя современный допрос больше похож на отчитывание провинившихся старшеклассников. Теперь достаточно нескольких анализов, чтоб картина репродуктивного нарушения стала ясна, как день. Если в крови подозреваемого находят не допустимое соотношение гормонов, а в яйчниках находят жизнеспособных живчиков – можно считать, что приговор неизбежен. Несоблюдение Кодекса Репродуктивного Поведения грозит штрафом как минимум. В академии нас не учат эндокринологии как системе знаний, но дают базовые понятия, а нормативы мы вынуждены учить наизусть, ведь прежде, чем проводить операцию, солдат КА всегда берет анализ крови, и обязан немедленно прекратить экзекуцию, если кровь окажется *нормальной*.

Сегодня карбоновая дверь, вопреки обыкновению, открыта: андроид-конвоир стоит в проеме с нейробоем в руке. И я просто не могу не заглянуть внутрь, для меня все так ново и интересно. Конвоиры всегда выглядят не работающими, словно заснули стоя, основная батарея отключается полностью всякий раз, когда робот не двигается, работает только маленький аккумулятор в голове. Хофф как-то рассказывал, что в Комитете по Этике сочли, что робот-конвоир не должен быть чересчур «человечным». Ему не обязательно имитировать человеческий взгляд, моргать, и вообще делать вид, что он участвует в происходящем. Достаточно, чтобы он был быстрый, быстрее, чем любой человек. Поэтому конвоиры всегда экономят энергию – если вдруг что-то пойдет не так и начнется долгая погоня, энергии должно хватить на все. У конвоиров нет внутреннего генератора, потому что им положено быть легкими, чтобы без проблем поднимать свой вес на любую высоту, не всегда доступную тяжелым смертным.

Наиль сидит спиной к двери и ко мне, положив на стол свои огромные ручки. На стуле напротив, сложив руки на колени, – парень лет двадцати пяти. Высокий спортивный брюнет. На макушке уже вылезают волосы, еще пара лет и просвечивающая начинающаяся лысина засияет во всей своей ослепительной красоте. Волосы торчат из-под воротника и манжетов рубашки. Такие парни чаще других попадают к нам. Вместо того, чтобы сделать коррекцию или ответственно подойти к заместительной гормональной терапии, зная,

что находятся в группе риска, они пытаются обмануть систему, а в итоге обманывают себя.

— ... и эта девушка, представь себе, она была такая же, как ты. Красивая, молодая, талантливая. Просто не с тем парнем познакомилась. А когда ее не стало, борцы за равные права, возможности, и гендерно нейтральное⁶ воспитание в очередной раз ожидали какой-то значимой реакции. Новых законов, защищающих людей женского пола, новых обязательных образовательных программ по самообороне для детей и людей женского пола. Но ничего, как обычно, не произошло. Журналисты написали тексты, операторы сняли сюжеты, и уже спустя полгода мир забыл об этом, словно ничего не произошло. Понимаешь?

— Я никого не убивал — мужчина шмыгает носом, не поднимая глаз.

— Еще бы ты убивал! Конечно же, нет. Если бы убил, мы бы здесь не разговаривали. Ты просто подрочил свой смердящий, скользкий отросток о тело другого человека. Всего делов-то, да? Подумаешь, ерунда какая. Так ты рассуждаешь? — Наиль говорит спокойно, наверное, привык не вовлекаться эмоционально за годы работы. — Но ты же знал, что

---

⁶ Гендерная нейтральность — подразумевает, что в языке, государственной политике и различных социальных институтах следует избегать отдавать преимущества тем или иным гендерам и полам в выполнении определённых социальных ролей, чтобы избежать гендерной дискриминации. Например, роль человека, ухаживающего за детьми, могут (и должны!) в равной степени выполнять оба родителя.

нельзя так делать, правда? Ты знал, что девушка может забеременеть, ты ведь, помимо всего прочего, не пьешь и эти таблетки тоже. Ты знал, какие могут быть последствия у этого поступка, кроме физической и психологической травмы, знал, что репродуктивное поведение каждого человека – это в первую очередь личная ответственность самого человека. – Наиль встает из-за стола, и продолжает, облокотившись на столешницу во весь свой богатырский рост нависая над насильником. – Мы проделали огромный путь, чтобы оказаться в мире, где человеку нельзя вести себя как животное. Чтобы жить в этом мире осознанного со-соседства, без насилия и принуждения. Мы сознательно пришли туда, где мы сейчас находимся. Поэтому, когда какая-то мразь вроде тебя сидит здесь и просит простить ему первый раз, в ответ эта мразь получает курс терапии на тренажере ВРВВ и короткий справочник для домашнего чтения – «Женщины и дети, погибшие от рук маньяков. Алфавитный указатель». Держи справочник. Посиди в камере и почитай. Завтра в 10 утра у тебя шестичасовой курс принудительной имитации, дружок. Так что можешь начинать готовиться.

Я не знаю подробностей, но мне кажется, что шесть часов это очень много. С другой стороны, Наилью, конечно, видней. Андроид-конвоир выводит осужденного из кабинета, я отвожу взгляд от его просящих глаз и трясущихся рук. Если имитация не поможет, и он решится удовлетворить свою похоть насильно еще раз, им займутся мои бывшие коллеги

из Корпуса «А». «Чик-чик и готово, теперь всегда на полшестого» – любимая шутка КАшников. Это не больно. Но это будет уже не исправить: можно сделать пластику тестикул, чтобы половой орган смотрелся органично, но нельзя свести химическую татуировку с кисти правой руки, и это всегда билет в один конец. Каждый второй «меченый» в итоге оказывается в колонии, где люди более снисходительны к эрпешникам в силу воспитания. Часть из них спустя пару лет после односторонней орхиэктомии добровольно проходит повторную, так как найти партнера становится затруднительно, ни один человек не станет связывать себя отношениями с «меченым», даже в колонии к такому «партнерству» готов не каждый. Статистика показывает, что только половина прошедших тренажер ВРВВ больше не становится на путь насилия, но этой половины пока достаточно, чтобы партия «Несогласных» не могла протащить в конгрессе закон об отмене имитации вообще. С другой стороны, процент тех, кто боится имитатора так сильно, что, попав в распределитель сразу же пишет прошение о замене наказания на орхиэктомию тоже высок, их как минимум треть из всех случаев. По крайней мере сейчас у них есть право выбора.

– Привет, Ким. Как успехи у тебя?

– Привет, Наиль. Пока ничего нового.

– Не беда, все тайное становится явным рано или поздно.

Попробуй обратиться в отдел кибербезопасности. Посмотрите, что в соцсетях и в смсках.

– Да, как раз сейчас собираюсь к ним зайти.

– Ну вот и правильно. Уверен, они что-нибудь откопают.

– Слушай Наиль. А у нас нет никакого справочника по старинным маньякам? Думаю, может быть посмотреть для общей картины.

– Нет, Ким, они запрещены законом 211. Никакой популяризации и романтизации преступности, никакой «памяти в вечности», никаких имен и прозвищ.

– Ну хоть какую-то справочную информацию ведь я могу поискать? Мне же для дела.

– Конечно. Есть внутренняя закрытая база данных ГУРП, там каждая такая тварь указана под номером. Нужно писать официальный запрос на доступ для работы.

– Ясно, спасибо. А о ком ты только что рассказывал этому парню?

– В каком смысле «о ком»?

– Ну ты сказал, «эта девушка, молодая, красивая, как ты».

– Ааа. Это... ну, ни о ком конкретно или о ком угодно, как посмотреть. «Собирательный образ», как говорится. Их же сотни. Тысячи. Десятки тысяч. Ты разве не помнишь? Рене Хартевельт, Лариса Ткаченко, Данна Лория, Мэри Джейн Келли, Карен Спаркс, Сьюзан Кертис, Лена Закотнова...⁷

– Ничего себе у тебя память! Я почти ничего не помню из

---

⁷ Рене Хартевельт и др. – девочки, девушки и женщины, погибшие насильственной смертью в разное время в разных странах мира от рук неадекватных мужчин-убийц.

курса про серийных убийц.

– Ну, наверное, ты хорошо помнишь что-то другое.

– Слушай, Наиль... Можно мне посмотреть на исполнение наказания завтра? Ведь мне, скорей всего, когда-то тоже придется.

– Не придется, если не захочешь. По крайней мере в первый год. Тем не менее, я думаю не можно, а нужно. – он улыбается, поднимая вверх указательный палец. – Заодно проведем первичный инструктаж. Приходи завтра к десяти утра на седьмой этаж в сектор Б, Зал Исполнения Наказаний № 17. Пойдем, я выпишу тебе одноразовый пропуск на сутки. И, Ким, если ты чувствительно относишься к таким вещам – лучше не завтракай.

***

В этой части здания нет окон. В смысле, окна есть, пожарную безопасность никто не отменял, но они совсем не пропускают свет. Все этажи Блока Исполнения Наказаний, с четвертого по восьмой, наглухо защищены светонепроницаемыми панелями, наружная сторона которых – плазменные экраны для видеороликов, объявлений и бегущих строк ГУРП.

Здесь можно выйти из лифта только приложив код-пропуск к сканеру – иначе кнопку этажа просто не удастся нажать. Около лифта стоит несколько конвоиров и один полицейский. Полицейский, заметив мой синий бейдж поднимает приветственно руку, конвоиры, само собой, продолжают стоять как манекены, ничем не выдавая своих супер способ-

ностей.

Я медленно иду по коридору, пытаюсь отыскать нужный зал. Кругом лишь закрытые двери, серые стены и тусклый свет с потолка. Унылое место, темное, мрачное, холодное, словно подzemелье. Меньше всего мне хочется когда-либо оказаться здесь в качестве заключенного. Тренажеры имитаций не обязательно размещены в таких удручающих интерьерах, например, родительский блок совсем не похож на этот. Как и центр подготовки пилотов-пожарников. Там красиво, уютно, светло, а главное в любой момент можно передумать и прервать процесс тренировки, и сама эта тренировка – абсолютно добровольна.

Дверь зала № 17 открыта. Здесь тоже темно. Слабый мерцающий свет падает на большое черное кресло в центре. Выглядит оно довольно жутко, хотя может быть так кажется потому, что мне точно известно, для *чего* оно. Обычный имитационный тренажер с зажимами для конечностей и обручем для головы. Наиль уже тут. И заключенный. У двери стоит в спячке конвоир – огонек на виске мигает зеленым, руки по бокам от туловища в «положении покоя». Наиль кивает мне, не раскрывая рта, я в тон ему тоже не произношу ни звука. Он выключает наручники на запястьях парня, аккуратно снимает их и вешает на свой ремень.

– Для исполнения наказания вам нужно раздеться полностью.

Мужчина начинает снимать с себя одежду. Тело у него

крепкое, сплошь волосатое, на его месте совершенно точно нужно было принимать гормоны. По крайней мере в общий городской бассейн с такой растительностью точно не пустят, только в мужские помывочные на окраинах. Бока у парня немного жирноваты, и задница тоже. Не могу утверждать наверняка, но, по-моему *он чем-то пахнет даже* несмотря на то, что перед сеансом терапии его должны были помыть. Наиль достает из ящика под креслом одноразовый чехол из тонкого серого неопрена, натягивает его, начиная с подголовника.

– Вот смотри, здесь голова сюда руки, сюда ноги, сюда задница – здесь специальные дырочки на случай если он обоссется. – Наиль показывает пальцем на крошечные отверстия на пластике лежака. – Гадить ему нечем, клизму с самого ранья делают парни из санблока. А то потом тут не выветришь, не отмоешь. Я сам никогда так не попадал, слава матерям, но ребята рассказывали, был как-то случай. В санблоке то ли отвлеклись, то ли забыли, то ли перепутали, в общем совершенно полного мужика положили на кресло в восьмом зале, прикинь? Три года назад, или что-то около того. Так он им там такой фейерверк устроил, пришлось его прямо вместе с креслом отмывать из пожарного шланга, снова вырубать на неопределенное время...

Я внимательно слушаю, киваю, рассматриваю кресло и пол, изо всех сил стараюсь не смотреть на парня. Сколько пройдет времени, прежде чем я начну вести себя с заклю-

ченными также, как Наиль? Будничным голосом рассказывать при них о том, что им, возможно, предстоит обгадиться прямо здесь спустя каких-то десять минут? Я даже не знаю, как его зовут, но спрашивать сейчас не самая хорошая идея.

– Труссы тоже снимать? – парень поднимает лицо и смотрит на меня в упор, нижняя губа предательски дрожит. Он немного выше меня ростом и шире в плечах, но выглядит совершенно потерянным и жалким. Я молчу, переводя взгляд на Наиля.

– Все. Снимать все. – говорит тот. – Вот так. Теперь забирайтесь на тренажер.

Преступник делает все очень медленно, то ли тянет время, то ли оцепенел от страха, хотя скорей и то, и другое вместе. Медленно заносит ногу на ступеньку, медленно приподнимается, медленно поднимает колено на тренажер... Когда наконец он лежит на месте, Наиль нажимает на кнопку пульта, и металлические обручи затягиваются на лбу, запястьях, локтях, коленях и лодыжках. Он держится молодцом, хотя с самого начала плачет – без единого звука, маленькие капли то и дело стекают по щеке то с одной, то с другой стороны. Я заглядываю куда-то внутрь себя, чтобы понять, почему мне его жалко и осторожно отступаю за кресло, к подголовнику, где пристегнутая обручем голова и жирная шея с двумя складками. Представляю себе, как этим огромным, полноватым, пахучим, волосатым телом он зажимает на улице какого-то человека, хватая за руки, сует грязные пальцы

под одежду, шевелит и бьется мохнатыми бедрами, сладострастно пыхтит, мычит, елозит не бритым, колючим, вонючим слюнявым ртом... Нет, не жалко. Это всегда работает.

– Осужденный Армен Мурадян. За совершение действий насильственного характера, действий сексуального характера с принуждением и применением силы в отношении другого человека вы проговариваетесь к наказанию в виде воспитательного терапевтического сеанса имитации на тренажере виртуальной реальности высокой вовлеченности. Именем Нордроса и Совета Агломераций Земли приговор будет приведен в исполнение через пять минут. После приведения приговора в исполнение, судимость будет считаться погашенной. Вы хотите что-то сказать?

– Мне очень жаль. Мамочка, мне жаль, жаль, – он начинает шептать, но вдруг переходит на рыдания и крик, какое-то нечленораздельное «АААЛЬ.»

Мы быстро выходим, тяжеленная толстая дверь автоматически закрывается. Мы будем присматривать за исполнением наказания из соседней комнаты, через непрозрачное темное стекло, одновременно наблюдая за тем, какой сценарий транслируется в голову осужденного, а главное, как он на него реагирует.

Мария Рэйдоттер, нейрофизиолог, которая разработала первый имитационный тренажер для тренировки пожарных в условиях, приближенных к настоящим, даже представить не могла, что ее вклад в науку приведет к таким последстви-

ям. Тем не менее, изобретение быстро стало популярным не только во всех областях образования, но и в системе исполнения наказаний – с появлением тренажера сама эта система изменилась полностью.

– Ну что, спорим он намочит пол через 20 минут?

– Наверное. Не буду спорить. – Я натянуто улыбаюсь, глядя в монитор. Не хочется показаться заносчивым или невежливым человеком, но участвовать в таких спорах полнейшая дичь. Наиль по-отечески хлопает меня по плечу.

– Ничего, пообвыкнешься и тоже будешь ставить ставки. – он в голос хохочет и садится на стул рядом со мной. – Вот, смотри, началось.

Судя по схематичной картинке на экране, к осужденному приближаются какие-то люди.

– Сейчас эти трое ему навалют как следует, потом будут насиловать во все дырки, унижать, истязать и, снова, насиловать и бить. Мы с тобой увидим на экране только черно-белое схематичное изображение. «Профилактика перверсий в Блоке Исполнения Наказаний» – в инструкции написано. Чтобы мы с тобой тут не слетали с катушек и не начали возбуждаться, не дай мать, от того как его там трахают, – Наиль опять хохочет.

– Ты шутишь, правда?

– Нисколько. Вам что теперь не читают историю порнографии и репродуктивных перверсий начала третьего тысячелетия?

– Меня перевели из КА, у нас же там упрощенная программа.

– А, ну да, точно. Я и забыл. Значит тебе надо подать заявку на повышение квалификации.

– Конечно. Как только поймаю убийцу.

– Ага. В общем, сценарий наказания адаптируется под каждого конкретного мужчину. Женщин у нас здесь не бывает, как ты догадываешься. В самом начале осужденный получает инъекцию галлюциногена, который здорово облегчает всю процедуру. В обруче на голове – камеры и слаботочные датчики. Комп транслирует ему заданный сценарий, как кинофильм, а датчики на конечностях помогают делать этот «кинофильм» реальным. Если вдруг выяснится по уровню дофамина, что ему нравится то, что происходит – бывает и такое – сценарий мгновенно меняется. Подходящий сценарий поднимает уровень адреналина, норадреналина и кортизола. За всем этим следит само кресло, точнее его ПО⁸. А наша с тобой задача просто следить, чтобы он не откинулся во время процедуры или не возникла какая-то другая внештатная ситуация – пожар, например. Тогда придется его отключать и выносить оттуда.

– Похоже эта штука примерно также работает как тренажеры репродуктивной имитации?

– Да. Как любые имитационные тренажеры. Ничего не происходит на самом деле, все происходит только в его го-

---

⁸ ПО – программное обеспечение.

лове. Через шесть часов его отвезут в медблок. Там он придет в себя и обнаружит что у него не выбиты зубы, не сломаны ребра, не отбиты яйца и не порвано анальное отверстие. Он, конечно, очень обрадуется, но сначала его все равно будет выворачивать в унитаз примерно полчаса, потому что наш мозг не умеет отличать настоящие воспоминания от тех, которые ему сейчас делаем мы с тобой. Еще через два часа ему отдадут одежду, покормят ужином и отправят домой, как будто ничего не было. Но он никогда уже не поверит в это. С этого дня он будет жить в реальности, где его избивали, истязали и насиловали то в рот, то в задний проход на протяжении шести часов. В реальности ничего не было, но эта реальность для него закончилась. Отныне и до конца своих дней ему придется жить с воспоминаниями об этих «приятных приключениях». Это идеальное наказание. В том числе с точки зрения этики.

– Ты так думаешь?

– А ты нет? – Наиль выразительно поднимает брови – этот урод взял силой какого-то человека неделю назад. Там сотрясение мозга, другие телесные повреждения и его биологическая жидкость в желудке жертвы.

– Ясно.

Началось. Осужденный начинает дергаться на кресле. На экране монитора схематичная черно-белая фигура сношает наказуемого в задний проход какой-то палкой, или чем-то похожим, пока двое других удерживают его на полу, согну-

тым пополам. Отсюда не слышно ни звука, но видно, как он пытается шевелиться, сжимает кулаки, напрягает бедра и, судя по всему, визжит как испуганная до смерти свинья.

– Я знаю одно. Когда в следующий раз он захочет удовлетворить свою похоть при помощи насилия, он точно пойдет к доктору за скорректированной порцией гормонов. По крайней мере половина всех прошедших терапию чаще всего именно так и делает. Или повесится в ближайшие два дня. А если похоть снова затмит его куриные мозги, его дело окажется у твоих друзей из КА.

Парень в кресле все также дергается всем телом, и все также раскрывает рот, словно задыхается. Наверное, кричит. Нам не видно его глаз, Слава Праматери, которые плотно закрыты обручем с камерами. В какой-то момент он сильно дергает задницей в сторону, словно пытается избежать чего-то и в тот же момент под креслом появляется небольшая лужа.

– И на сколько вы обычно спорите?

– Ровно двадцать минут. Ха-ха! Я знал, что ты быстро втянешься. Ты знаешь, что за каждое приведение наказания в исполнение полагается небольшая премия?

– Теперь знаю. Наиль, я, наверное, пойду, хорошо? У меня еще полно дел в отделе.

– Конечно. Тебе не обязательно сразу же оставаться на всю процедуру наказания.

– Хорошо. Спасибо тебе. И, слушай... можно задать тебе

один личный вопрос?

– Валяй, стажер. – Наиль в очередной раз улыбается во весь рот.

– Ты никогда не жалеешь, что родился мужчиной?

– Это не ко мне, дружище. Я сделал коррекцию еще в 18 лет. У нас в семье так принято. Я в этом смысле абсолютно здоровый человек. Но всякий раз, Ким, всякий раз, когда я провожу беседу с одним из этих уродов мне становится стыдно, что у меня член.

***

– За последние пятьсот лет мы отвыкли и от тяжких преступлений, и от войн. Чтобы не говорили сторонники «Чистой Жизни», обязательная гормональная терапия сделала человеческое поведение управляемым и предсказуемым в самом широком смысле двух этих слов. Мсье Фуко⁹ и другие были правы лишь отчасти, назвав гендер социальной конструкцией. Человек есть не что иное, как самовоспроизводящееся органическое существо, способное к самоуправлению при помощи простых и сложных химических и физиологических процессов. По крайней мере, как мы знаем теперь, непосредственное воздействие на эндокринную систему оказалось наиболее эффективным способом регуляции повседневной жизнедеятельности людей из всех возможных. Политика самоконтроля и сдерживания – вот столпы, на которых держится современный мир, практически свободный

---

⁹ Поль-Мишель Фуко – французский философ, теоретик культуры и историк.

от зла во всех его проявлениях. Человеческое существо – это маленький биохимический завод по производству гормонов. Завод, которым можно и нужно управлять.

Карательная хирургия постепенно сходит на нет: согласно отчетам последних десяти лет, количество мужчин, подвергшихся первичной предупреждающей операции ежегодно снижается на 1,5%. О чем это говорит? Это главное свидетельство того, что мы находимся на верном пути. Впервые за много тысячелетий, испробовав религиозный и светский патриархат¹⁰, почти приведший мир к ядерной катастрофе, набив шишек в виде войн, рабства, педофилии, изнасилований и аборт, человечество, наконец, пришло к выводу, что существа, не способные самостоятельно порождать жизнь, никогда не смогут относиться к этой жизни достаточно уважительно. Очень просто и в то же время так сложно, что понадобились тысячи лет, чтобы принять эту данность. Подробный ответ на ваш вопрос «почему так долго» можно найти в рамках спецкурса по «Истории патриархального периода», который также читаю я, и который начнется во втором семестре. В сегодняшней нашей лекции я скажу только что основная причина, естественно, связана с беспомощно-

---

¹⁰ Патриархат – форма социальной организации, в которой мужчина является основным носителем политической и финансовой власти и обладает лидирующим положением во всех сферах жизнеустройства, и где нормой считается андроцентристское видение мира, сводящее общечеловеческую субъективность к единой мужской норме, ошибочно репрезентируемой как универсальная объективность.

стью человека в период вынашивания и подращивания детей до того возраста, когда малыши смогут сами позаботиться о себе, овладев навыками самостоятельного приема пищи, переодевания, гигиенических процедур и так далее.

Итак, давайте порассуждаем, что отличает человека от животного? Мышление. Умение воспринимать, сопоставлять, классифицировать и анализировать информацию. Способность делать осознанный выбор, чего бы это не касалось. На протяжении многих и многих веков и нескольких тысячелетий мы использовали способность мыслить для того, чтобы побеждать смертельные болезни, изобретать и открывать новые элементы и материалы, конструировать механизмы, создавать цифровой виртуальный мир, перемещаться по планете и за ее пределы.

Теперь давайте представим собаку. Крупного, массивного кобеля. Например, ризеншнауцера. Давайте предположим, что этот кобель нападает на кого-то из домочадцев, подчиняясь инстинкту продолжения рода. Очевидно, что это будет довольно неприятно, верно? Мало кому понравится, если здоровенное животное вдруг начнет обхватывать ноги лапами, царапать их когтями, пачкать и рвать одежду. Почему кобель так поступает или может поступить, при прочих равных условиях? Почему пес готов использовать в качестве партнера любой объект, не обязательно одушевленный и не обязательно подходящий по размеру? Можем ли мы сказать, что бездумно пойти на поводу у инстинкта, никак не оцени-

вая собственные действия, может только животное? И разве не будет справедливым, считать животным любое существо, не способное обуздать собственный половой инстинкт? Разве не является правильным считать животным любое создание, имеющее исправный мыслительный аппарат, но не использующее его? И если мы признаем, что некоторые человеческие существа, наделенные природой всеми необходимыми ресурсами, в силу каких-то личных причин не задействуют свой разум для принятия решений, но руководствуются инстинктами, значит, мы признаем, что эти существа, определенно, животные, живущие в человеческих телах. И как мы поступаем с кобелями, которым инстинкт мешает жить? Как человечество всегда поступало с жеребцами, кабанами и быками, чтобы сделать их спокойными, уравновешенными, покладистыми? Думаю, ответ очевиден.

Давайте запишем тему следующей лекции и прервемся на десятиминутный перерыв. Итак: «гипертрофированная феминность и маскулинность внешности людей и соответствие стандартам «половой привлекательности» начала третьего тысячелетия». Мы, естественно будем говорить лишь о тех цивилизациях, которые в то время были ведущими в области науки, техники и культуры, по умолчанию исключая остальные и мусульманские страны. Все, дорогие мои, можете выходить на перерыв.

Я аккуратно выбираюсь с последнего ряда, и поспешно спускаюсь вниз вместе со студентами, чтобы не упустить лек-

торшу из вида. Ирэна Яндоттэр¹¹ – ведущая преподавательница Института биохимии и генетики человека. Основная дисциплина, которую она ведет – «История гормонального регулирования», но как мне удалось узнать на сайте института, она также читает несколько спецкурсов по другим дисциплинам, включая «Введение в генетику». Ирэна одна из потомков той самой Яны Одрун, которая проводила первые опыты по управлению человеческим поведением при помощи постоянной гормональной терапии в первом экспериментальном поселении. Когда-то давно мы ездили с мамой в это место. Теперь там стоит памятник величиной с двадцатиэтажный дом – роженица в родильной рубашке, с двумя разнополыми малышами на руках. У нее уставшее, но очень счастливое выражение лица, точь-в-точь как у мамы на фотографии. «Справедливая Мать» – так он называется, если я ничего не путаю.

– Ирэна, добрый день! Меня зовут Ким, я детектив из ГУРП.

– Эээ... Очень приятно. Вы, наверное, по поводу ... убийства?

– Именно. Вам удобно поговорить здесь?

– Не очень, как и вам. Давайте зайдем на кафедру, заодно выпьем кофейку. Вы пьете растворимый?

– Да, спасибо большое. Отличная идея.

---

¹¹ Яндоттэр (дотэр, дотэ) – фамилии-матронимы, основанные от имени матери, в буквальном переводе – дочь Яны.

***

– Это все ужасно, конечно. Знаете, мы с мужем в ту ночь были в ресторанчике на том берегу, совсем рядом.

– По странному стечению обстоятельств мне тоже случилось находиться именно там именно в тот момент. Почти в двух шагах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.